

ALEKSANDER KIKLEWICZ

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6140-6368>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Active processes in the terminology of modern linguistics

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терминология, парадигмы языкознания, постструктурализм, постмодернизм, амбисемия, трансфузия, компиляция, аппроксимация

KEYWORDS: terminology, paradigms of linguistics, poststructuralism, postmodernism, ambisemy, transfusion, compilation, approximation

ABSTRACT: The author considers the problem of linguistic terminology in the context of changes which took place in linguistics of the late XXth century and the beginning of the XXIth century under the influence of postmodern culture. The changes in linguistics depend primarily on such characteristics of postmodernism as irrationalism (anti-scientism), pragmacentrism (sociocentrism) and simulacrum. The author shows how linguistic terminology changes in the new cultural conditions and distinguishes between four phenomena: ambisemy, transfusion, complication and approximation. Taking a critical (normative) methodological position on the latest processes in the field of terminology, the author considers some criteria for evaluating innovations.

Мудрость – это поступать так же, как мы поступали вчера.
Всеволод Иванов

1. Введение

Лингвистическая терминология, как и терминология любой другой науки, подвержена изменениям, которые происходят в соответствии с тем, какие философские идеи, научные теории и методы исследования языка преобладают в определенную эпоху. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение вопроса о современном состоянии лингвистической терминологии – в эпоху постструктурализма.

Ю. С. Степанов (1985, 3), автор одной из наиболее известных концепций лингвистических (лингво-философских) парадигм, усматривал в их динамике внутренний механизм, запрограммированный в структуре знака.

Выделяя (вслед за Ч. Моррисом) семантику, синтактику и прагматику как три «измерения» подходов к языку, Степанов в то же время констатировал, что направления лингвистических исследований меняются «по причинам, которые еще предстоит выяснить».

Э. Касперский (Kasperski 2000, 15), ссылаясь на «Структуру научных революций» Т. Куна, декларирует, что в гуманитарных науках и постановка проблем, и исследовательские методы зависят от антропологических, социальных и исторических факторов. В настоящее время таким программирующим фактором является постмодернизм как доминирующая парадигма культуры (см. Киклевич 2018; Kiklewicz 2006; 2016a; 2016b; 2019).

Одним из первых, кто в конце прошлого века писал о влиянии постмодернизма на современное языкознание, был польский языковед И. Бобровский. По его мнению, постмодернистская (в другой терминологии – постструктурная) парадигма в языкознании основана на «анархической концепции знания» и означает выход «за пределы общепринятых принципов рационализма» (Bobrowski 1995; 1998). При этом теряет свою обязательность одно из классических требований научного исследования – верификация гипотез.

В подобном духе Э. Табаковская (Tabakowska 2001, 26) пишет о постструктурализме как об «антиаристотелевской революции», подчеркивая лежащий в ее основе иррационализм. Исследовательница усматривает сходство между основными тенденциями в постструктурном языкознании и литературоведении. По ее словам, сущность постмодернистской интерпретации текста заключается в том, что

odrzucone zostają wszelkie ograniczenia normatywne dotyczące skutecznej komunikacji. Taki skrajny relatywizm metodologiczny zezwala na wielorakie interpretacje jednego tekstu, nie oferując jednocześnie żadnych kryteriów oceny [...] oraz uniemożliwiając jakąkolwiek falsyfikację ocen (Tabakowska 2001, 27). [устраняются все нормативные ограничения, обеспечивающие эффективную коммуникацию. Такой крайний методологический релятивизм дает возможность свободной интерпретации текстов, не предлагая никаких критериев оценки [...] и исключая какую-либо верификацию оценок.]

Действительно, если обратиться к упомянутым в монографии Р. Ныча (Nycz 2000) характеристикам постструктурализма в теории литературы (имеется в виду пантекстуализм, постреализм, эпистемическая непрозрачность, гибридные жанры и т.д.), то приходится констатировать, что все они применимы по отношению к современной лингвистике, а в первую очередь обнаруживаются в таких авангардных направлениях, как когнитивная семантика, культурная лингвистика, этнолингвистика и лингвистика дискурса.

Постмодернизм – многогранное явление, поэтому, рассуждая о его влиянии на филологические науки, следует принимать во внимание наиболее релевантные характеристики. К ним можно отнести: 1) иррационализм, то есть маргинализацию теоретических знаний, отказ от традиционных методов исследования (например, таких, как моделирование¹ и формализация), субъективизм и эмпириоцентризм²; 2) социоцентризм, т.е. приоритет социальных (в том числе культурных, антропологических и прагматических) факторов языкового поведения³; 3) симуляцию или симулякрим⁴, т.е. использование ментальных конструктов без ссылки на их материальную репрезентацию (экстериоризацию).

Здесь налицо конфронтация не только со структурализмом (структурным позитивизмом), но и с традиционным языкознанием. В связи с этим можно привести утверждение П. Штомпки (Sztompka 2010, 456ссл.) о «травматических социальных изменениях», когда критическая реакция на нововведения представляется обоснованной. Например, А. Т. Кривоносов в критическом и даже резком тоне пишет о популярной сегодня когнитивной лингвистике, особенно в ее российской версии:

Это лингвистическое направление в его сегодняшнем виде предстает как совершенно неконструктивная говорильня, сплошь и рядом сотканная из общих «когнитивных» фраз, ни к чему конкретно не привязываемых. Сегодняшний спор вокруг «когнитивной лингвистики» напоминает средневековый спор философов-схоластов на тему: «Сколько верблюдов можно продеть сквозь игольное ушко»? Или: «Сколько чертей поместится на острие иглы»? (2010, 151).

---

¹ В середине XX века моделирование выполняло описательную функцию. Структурные лингвистические модели, которые строились в соответствии с принципом «черного ящика», как отмечает А. Е. Кибрик (1987, 34), имели произвольную внутреннюю природу – от них не требовалось точное морфологическое сходство с оригиналом, а лишь – сходство функций: модель должна отражать отношение между тем, что имеется на входе в «черный ящик», и тем, что имеется на выходе. Но лингвистическая практика показала, что подход к естественному языку как «черному ящику» пригоден только на первых этапах моделирования – он становится малоэффективным при необходимости достичь максимального сходства модели и оригинала, поскольку при этом модель настолько усложняется, что требует отдельной, специальной интерпретации, которая сама по себе уже не затрагивает изучаемого объекта. Поэтому отказ от описательных моделей в лингвистике в какой-то степени оправдан – пришло время обратиться к естественным моделям и естественным классификациям, задача которых – объяснить, как язык устроен «на самом деле».

² М. Фляйшер (Fleischer 2005, 58) в этой связи приводит немецкую пословицу: «У самых глупых крестьян самая большая картошка».

³ С этой точки зрения особенно важен конформизм (или конъюнктурность) как черта социального поведения в эпоху постиндустриальной культуры, ср. понятие англ. *other-directed people* в концепции Д. Рисмэна (Riesman/Glazer/Denney 1950).

⁴ В связи с этим можно упомянуть также популярный в последнее время, особенно в социологии и антропологии, конструктивизм. В филологических науках он находит свое проявление в имагологии.

Вяч. Вс. Иванов (2004, 7ссл.) пишет о периоде «бури и натиска» в русской лингвистике в 1960-1970-х годах прошлого столетия: лингвистика играла ведущую роль среди других гуманитарных и социальных наук. В центре внимания ученых было «сопоставление разных возможных лингвистических моделей, структуры порождающих и анализирующих правил и их объяснительной силы». Однако в конце XX века, по мнению Иванова, в гуманитарных науках наметился кризис – они стали все более отдаляться от областей точного знания:

Богатое наследие формальной лингвистики предшествующих эпох и направлений структурализма, отличных от нескольких последующих, излишне популярных (как порождающая грамматика), и других течений, объединяемых иногда понятием функционального, полузабыто. В мире до сих пор недостаточно знают и многие существенные итоги русских работ 1950-1990-х гг. по дешифровочному и формальному подходу к языку, которые отчасти шли в направлении близком к порождающей семантике и сходным течениям, но привели к более значительным результатам (Иванов 2004, 10).

Иванов пишет о нерешенных лингвистикой и отложенных на неопределенный срок задачах – таких, как синтез описательной и исторической лингвистики, применение математически строгих методов в процедурах синхронного описания (с учетом экспериментальных данных, получаемых на стыке с нейропсихологией) и др.

В последнее время много пишется и говорится о глобализации, в частности, о том, что глобализация угрожает национальным культурам. Как представляется, более серьезным деконструктивным фактором является усиливающаяся специализация и партикуляризация. В науке она находит свое отражение в специализации знаний, появлении все новых и новых областей науки, дисциплин, субдисциплин, а также школ, формаций, групп и т.д., которые культивируют собственные доктрины, нормы, принципы, авторитеты. Это касается также терминологии, которая постоянно расширяет свои границы (см. Grucza 1991, 7; Źmigrodzki 2003, 15). А. Д. Кошелев (2013) сравнивает состояние современной лингвистики с Вавилонским столпотворением. Российский исследователь пишет, что дискуссии между представителями различных научных школ сегодня непродуктивны, а достижение консенсуса не представляется возможным (см. также: Źmigrodzki 2005, 457).

Язык науки, в частности, терминология, отражает эти современные тенденции. Хотя научная терминология традиционно выполняет определенные функции: познавательную, референтную, коммуникативную, диакритическую, прикладную и др., в современной ситуации всё более заметной становится прагматическая функция, а именно – интеграция членов определенного научного сообщества, идентификация субкультуры, манифестация принадлежности

ученого к той или группе (своего рода имплантация). Инновации в области научной терминологии обнаруживают общую тенденцию: происходит адаптация исследователей, особенно из Восточной и Центральной Европы, к научным направлениям, которым отдается предпочтение в англоязычных публикациях, представленных в наиболее известных рейтинговых списках, таких, как Scopus и Web of Science.

Проблему инноваций в лингвистической терминологии в то же время нельзя упрощать, сводя все процессы к одному источнику – постмодернизму. В действительности, существует определенный баланс между внутренними (номотетическими) и внешними (идеографическими) факторами. Многие явления наследуются из предшествующих эпох, а некоторые из них обусловлены механизмами, имеющими универсальный характер.

2. Проблема адекватности термина

Проблема произвольности знака применительно к научной терминологии должна решаться несколько иначе, чем в случае других лексических систем. С одной стороны, термины, как и все лексические знаки, отвечают требованию, сформулированному Ф. де Соссюром еще в 1915 году: «Означающее [...] произвольно к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» (1977, 101). Это требование, однако, касается только простых, т.е. формально непроединных терминов: *функция*, *модель*, *флексия*, *синтагма*, *стиль* и др. Их функциональная маркированность состоит в языковой репрезентации понятия о конкретном лингвистическом объекте. Форма и содержание такой репрезентации имеет общепринятый (в рамках сообщества ученых) характер, что обуславливает успешную коммуникацию (взаимопонимание). Проблема адекватности термина здесь заключается только в том, насколько его конкретное употребление в том или ином контексте соответствует его общепринятому содержанию. Например, в лингвистической практике общеприняты сочетания *синтаксическая функция* и *лексическое значение*. Можно задаться вопросом: почему *функция* именно *синтаксическая*, а *значение* – *лексическое*? Такое распределение понятий противоречит, например, математической логике, в которой, как известно, *функция* и *значение* связаны: *функция* определяет для некоторого множества объектов (открытое или закрытое) множество значений⁵. Выражение *значение функции* в лингвистическом обиходе, однако, не принято.

---

⁵ В языкознании, а также в других гуманитарных науках распространено представление, согласно которому *функция* отождествляется со значением, т.е. с зависимой переменной: формула $Fx = y$ читается как 'у является функцией x-а' (Ступанов 1955, 1021). Против такого понима-

С другой стороны, проблема мотивированности представляется актуальной в случае терминов-дериватов. Такие термины имеют композиционный характер: их состав и структура, т.е. характер синтаксической зависимости компонентов, отражает состав и структуру сложного понятия. В этом случае говорить о полном отсутствии естественной связи между означающим и означаемым нельзя. Совершенно очевидно, что, например, грамматические термины *приставка*, *корень*, *окончание* не являются произвольными – языковая форма и структура каждого из них мотивирована характером лексического значения. С таким же типом номинации мы имеем дело в случае названий членов предложения и частей речи: *подлежащее*, *сказуемое*, *определение*, *существительное*, *прилагательное* и т.д. В этом случае возникает проблема адекватности номинативной единицы (подробнее см. в работе: Kiklewicz 2017, 60).

Обозначенная выше проблема адекватности имеет два аспекта. Первый касается ментальной репрезентации: в какой степени понятие соответствует лингвистическому объекту, его доступным для восприятия, измерения, оценки, верификации и т.д. характеристикам. Второй аспект касается языковой репрезентации понятия: в какой степени (производный, композиционный) термин соответствует содержанию понятия. И в первом, и во втором случае лингвистическая терминология оказывается сферой номинации, в которой степень репрезентативности (или адекватности) является относительной – большей в случае одних единиц, меньшей или вовсе нулевой – в случае других. Приведу примеры первого и второго типа.

В грамматиках славянских и других европейских языков выделяется класс притяжательных местоимений, т.е. выражающих владение, обладание чем-либо (Ахманова 2004, 363). Термин *притяжательное местоимение* является производным и однозначно указывает на значение посессивности. В действительности и сам этот термин, и стоящее за ним понятие противоречат языковым фактам: единицы, относящиеся к классу притяжательных местоимений, как показано в публикациях (Киклевич 1996; 1998; Kiklewicz 1997), преимущественно выражают другие значения, ср. конструкции:

(1) забыла о своем дне рождения ‘забыла о дне, в котором/когда она родилась’

ния функции резко выступал Г. Фреге (Frege 1969, 90). Например, в математическом выражении $\sin x = y$ функцией являются «синус», а в выражении $x^2 = y$ функцией является «квадрат». Аналогичная ситуация наблюдается в естественном языке. К примеру, номинативная функция (а не номинативное, т.е. лексическое значение) соотносит знак (в частности, лексическую единицу) с понятием о классе однородных объектов. Но, например, понятие «тот, кто едет в транспорте» не является номинативной функцией существительного *пассажир*, это – реализуемое данным существительным значение номинативной функции. С логической точки зрения синтаксическую характеристику второй словоформы в сочетании *перевозка пассажиров* было бы естественным квалифицировать как значение синтаксической функции, а именно – как присубстантивную позицию зависимого члена.

- (2) мой город ‘город, в котором я родился, в котором я живу, который я построил и т.д.’
- (3) наши общие проблемы ‘проблемы, которые касаются нас, с которыми мы имеем дело’
- (4) твой Петя ‘Петя, с которым у тебя близкие отношения’
- (5) наши парни ‘парни, которые представляют наше сообщество, нашу группу, которые нам близки, дороги и т.д.’

Количественный анализ показывает, что посессивное употребление местоимений данного типа реализуется только в 4,6% конструкций.

Другим лингвистическим мифом, широко распространенным в современном языкознании (как в русистике, так и в полонистике), является трактовка указательного местоимения *это* как глагольной связки. Например, в «Универсальном словаре польского языка» под ред. С. Дубиша читаем:

It to „czasownik używany niekiedy zamiast czasownika być” [глагол, употребляемый иногда вместо глагола быть]

Существуют, однако, функциональные, дистрибутивные, позиционные, просодические, трансформационные, субститутивные и семантические критерии интерпретации указательного местоимения как синтаксемы в позиции подлежащего (подробнее см.: Киклевич 2013; Kiklewicz 2016с), в чем убеждает прежде всего возможность прямой сочетаемости местоимения и глагола:

- (6) Свобода – *это есть* возможность начать акт действия (А. И. Осипов).

Тем не менее даже в публикациях последнего времени, включая «Русскую корпусную грамматику» (§ 3.2.3.2), указательное местоимение трактуется как связка.

Вторая ситуация касается нерепрезентативности самого термина: его состав и структура, несмотря на традицию его употребления в языкознании, не отражает реального понятия о лингвистическом объекте. В качестве примера может послужить термин *wyraz funkcyjny* в польской терминологии и соответствующие термины в других языках: нем. *Funktionswort*, англ. *functional word*. Этим термином обозначаются служебные, синтаксически несамостоятельные, другими словами – синсемантические лексические единицы, например, предлоги, союзы, артикли, частицы. Само выражение *функциональные слова* в данном случае представляется мало обоснованным: из него следует, что автосемантические части речи (существительное, глагол, прилагательное, наречие) являются «нефункциональными», с чем, разумеется, нельзя согласиться.

Подобным же образом можно усомниться в правомерности термина, который употребляется в западной лингвистической традиции: нем. *das logische Wort*, англ. *logical word*. В свое время по просьбе редакторов лингвистического энциклопедического словаря я написал статью о «семантике логических слов» (Kiklewicz 2009), отдавая, однако, себе отчет в том, что само это выражение неудачно: в каком смысле союзы, частицы, артикли и кванторные местоимения – логические слова, а, например, существительные и глаголы – «нелогические»?

Неудачные термины под влиянием окказиональных факторов могут получать широкое распространение, и даже если становится очевидным, что термин по каким-то причинам не соответствует понятию, он в силу традиции остается в употреблении. Это касается, например, литературоведческого термина *остранение*, который широко распространен – именно в этой форме, с одним «н» в корне. Совершенно очевидно, что этот термин, введенный в 1914 году В. Б. Шкловским, содержит ошибку: Шкловский имел в виду *странность* художественного описания, а значит, должен был написать: *остраннение*. Во многих современных публикациях отдается предпочтение этой второй версии данного термина, однако и первая версия не вышла из употребления. Например, в российской библиографической базе e-library.ru имеется 1627 публикаций с ключевым словом *остранение* (доступ: 25 IX 2019).

Здесь обнаруживается более общая проблема лингвистической терминологии: термины, которые представляются вполне пригодными для решения частных задач, оказываются неприемлемыми в более широкой перспективе, когда проблема выходит за рамки эмпирического описания и приобретает общетеоретический характер. Например, в польской этнолингвистике широко распространено аксиологическое направление, в котором предметом исследования являются языковые репрезентации ценностей. В университете имени Марии Кюри-Склодовской в Люблине издается серия монографий «Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów» («Ценности в культурно-языковой картине мира славян и их соседей»). На основании языкового, а прежде всего текстового материала лингвисты определяют культивируемые в разных этнокультурах каноны ценностей (таких, как свобода, демократия, правда, верность и др.) (см.: Bartmiński/Grzeszczak 2014), что представляет собой важную научную задачу. Вместе с тем характерное для этнолингвистики употребление термина *ценность* вызывает сомнение с общетеоретической точки зрения. Ценность, как и оценка, представляет собой семантическую (а именно – аксиологическую) функцию, определяющую некоторую область значений (качественных/количественных, положительных/отрицательных и т.д.). В связи с этим Н. Д. Арутюнова (1988, 53) пишет, что каждая оценка соотносится с определенным «компаративным классом».

Это можно показать на примере простых экспликаций (W – ценность/оценка; a – объект из области определения; p – положение дел из области определения; s – стандарт, норма):

(7) высокий дом	ВЫСОТА: $W(a) > W(s)$
(8) низкий дом	ВЫСОТА: $W(a) < W(s)$
(9) хороший человек	ХАРАКТЕР/ПРАВ: $W(a) > W(s)$
(10) плохой человек	ХАРАКТЕР/ПРАВ: $W(a) < W(s)$
(11) обычный человек	ХАРАКТЕР/ПРАВ: $W(a) = W(s)$
(12) постоянные опоздания	ЧАСТОТА: $W(p) > W(s)$
(13) без опозданий	ЧАСТОТА: $W(p) < W(s)$

Как видим, при описании области значения аксиологической функции используются три понятия: 1) параметр категоризации (высота, сила, частота, характер, количество и др.); 2) стандарт, норма; 3) компаративный класс, т.е. шкала ценностей. Если с учетом данной терминологии описывать, например, социальные явления (такие, как свобода, демократия, солидарность), то возникает возможность выбора одной из интерпретаций: 1) либо понятие относится к области определения функции – и в силу этого не является ценностью; например, «свобода» может рассматриваться как градуируемая категория: свобода есть, свободы нет, свобода полная или ограниченная и т.д.; 2) либо понятие представляет собой одно из значений аксиологической функции, но тогда и все альтернативные значения должны трактоваться как ценности. Если в качестве области определения аксиологической функции рассматривать закрепленную в законодательстве возможность определенного поведения человека, то к области ее значения следует отнести свободу, несвободу, угнетение, рабство и т.д. – все эти понятия в равной степени представляют собой ценности (или значимости) как градуальные характеристики явления. Оценка, значимость, ценность может быть принципиально положительной и отрицательной, поэтому распространенное в разговорной речи отождествление гиперонима *ценность* и гипонима *положительная ценность* в научной дискурсе по крайней мере нежелательно.

С одной стороны, термины, как уже указывалось, представляют собой языковые репрезентации научных понятий, но, с другой стороны, в процессе языковой деятельности формируются их более или менее устойчивые локализации, т.е. контексты их применения. Хотя А. М. Пешковский (1959, 93) писал, что понятие, закрепленное за словом в системе языке, имеет базовый, субстратный характер по отношению к его значению в контексте, однако в действительности именно эти контекстные (в частности, наиболее устойчивые) употребления играют важнейшую роль в семантической интерпретации знаков. Ситуация, в которой субъект имеет полную свободу ментальной

категоризации данных своего опыта, а языковые знаки выступают только как условные репрезентации понятий, является скорее искусственной. На самом деле мыслительная деятельность (то, что мы думаем об объектах, их свойствах и отношениях) в большой степени зависит от навыка, в соответствии с которым мы соединяем в речи (в письменном или устном сообщении) разные термины. Факт, что выражения *синтаксическая функция* и *лексическое значение* кажутся нам очевидными, привычными, а выражения *синтаксическое значение* и *лексическая функция* – непривычными или недопустимыми, несомненно, влияет на наше представление о синтаксисе и лексике, о значении и функции – фундаментальных понятиях научной картины языка.

С функциональной точки зрения, как писал В. А. Звегинцев (1968, 60), слово означает то, к чему оно относится в данном контексте или данной ситуации. Кроме того существуют прецедентные контексты, влияющие на семантическое употребление слова в других сферах. Тем самым в языковой практике (и в языковом сознании) возникают узуальные феномены, которые детерминируют семантическую интерпретацию знаков независимо от воли и ментальных установок субъектов. Звегинцев в связи писал:

Если за основу определения значения брать лишь его применение, то следует, исходя из самого назначения языка, ожидать от значения такой универсальности применения, которая бы никак не мешала функционированию и развитию мысли. Между тем такого положения нет (1968, 60).

Звегинцев ссылается на известного физика В. Гейзенберга, который в своей книге «Физика и философия» (1963) писал о том, что в употреблении научных терминов смещаются логические акценты, что не только приводит к искажению формулировок, но и препятствует развитию научной мысли. В связи с этим вслед за В. Н. Волошиновым можно повторить: «Не столько выражение приспособляется к нашему внутреннему миру, сколько наш внутренний мир приспособляется к возможностям нашего выражения» (1929, 108). Это указывает на то, что проблемы лингвистической терминологии имеют не только формальный, технический характер, но и непосредственно связаны с лингвистической методологией, с научной картиной языка.

3. Амбисемия

Под амбисемией понимается неосемантизация терминов в различных дисциплинах, формациях и научных школах. Данное понятие было введено В. А. Татариновым (1988; 1996; 2006). По мнению этого исследователя, для

гуманитарных наук характерно свободное использование терминологии, довольно широкая идиосинкразия терминов в зависимости от различных теоретических установок и практик конкретных групп исследователей или отдельных авторов.

Амбисемия в гуманитарных науках носит естественный и даже вынужденный характер – в связи с тем, что значение (так называемый интенционал) терминов, особенно что касается наиболее общих, надбазовых категорий («язык», «речь», «система», «функция», «уровень» и др.), постоянно верифицируется и реинтерпретируется с разных точек зрения⁶. Платформой для этого служат, по определению И. В. Зыковой (2017, 168), «терминоразрабатывающие тексты»⁷. Неслучайно монография упомянутой здесь российской исследовательницы «Метаязык лингвокультурологии» имеет подзаголовок: «Константы и варианты». Например, хотя очевидно, что объектом изучения в лингвистике является «язык», однако в разных лингвистических парадигмах и теориях он понимается по-разному. Немецкий исследователь М. Пиленц (Pielenz 1995, 78) считает, что для этого служат метафоры: язык как биологический феномен – в сравнительно-историческом языкознании; язык как математический феномен – в структурной лингвистике; язык как познавательный феномен – в когнитивной лингвистике и др.

Многие понятия теоретической лингвистики имеют сублимативный характер. В отличие от категорий сенсорного типа они, если воспользоваться выражением Арутюновой (1988, 57), «обозначают свойства невидимых миров», в связи с чем верификация тех или иных «применений» термина затруднительна. У терминов этого типа размытый, нефиксированный интенционал: в конкретном дискурсе он уточняется с учетом точки зрения исследователя (или сообщества, к которому исследователь принадлежит). Например, в лингвистической литературе можно насчитать более ста определений понятия «функция» (Киклевич 1999). А. Ф. Лосев в книге 1968 года пишет о встречаемых в научной литературе 34 значения термина *модель*. В своей статье 1996 года я показал, что понятие сочинительной связи представляет собой своего рода фамильную категорию (в терминологии Л. Витгенштейна): не существует ни одного критерия (грамматического, семантического или прагматического),

---

⁶ В связи с этим можно заметить, что дезинтеграция между формой и значением знаков, в частности, их свободное, нерегламентированное семантическое употребление, характерно для языкового поведения в случае шизофрении (Woźniak (2005, 33).

⁷ Указанию на „терминоразрабатывающий“ характер текста обычно служат специальные операторы, например, ссылка на авторское «я» или «мы», как, например, в определении Ю. С. Степанова: «Подлежащее [...] мы определим как первую по порядку именную группу [...] в предложении с нейтральным порядком слов» (1981, 174). Трактовка предложно-падежного сочетания *в саду* в предложении *В саду – гости* как подлежащего может казаться необычной, но она согласуется с определением подлежащего, которое автор предложил в рамках своей концепции.

который был бы достаточным для разграничения сочинительных и подчинительных конструкций. И это – не единственный случай, когда лингвисты пользуются слабоопределенными терминами.

Явление амбисемии, однако, значительно расширилось в последние десятилетия в связи с нарастающей специализацией и партикуляризацией научного сообщества (см. Введение). Даже в пределах одной дисциплины иногда наблюдается сильная диверсификация терминов. Это, например, касается лингвистических исследований дискурса, которые впервые были предприняты в начале 1970-х годов. В течение нескольких десятилетий не была, однако, создана какая-либо стандартная теория дискурса (в перспективе лингвистической науки). Сегодня существует ряд научных школ (голландская, венская, гамбургская, минская и др.), которые культивируют различные концепции и различные терминологические системы. Так, в доступных источниках дискурс понимается как любой процесс использования языка; как речевой поток; как каждая единица речи, длиннее предложения; как устная речь в оппозиции к письменному тексту; как процесс общения; как прагматическое измерение текста; как набор норм и правил коммуникативного поведения (используемых в процессе создания текста); как поток текстов, связанных общим знаменателем (целью, функцией, сферой действия, предметом, каналом и т.д.); как реализация культурного и идеологического кода; как коммуникативное событие; как система высказываний, организующих определенную сферу деятельности; как социально обусловленная и культурно сложившаяся система рационально упорядоченных способов использования языка; как (письменный или устный) текст в социальном контексте, включая участников и условия общения; как жанр речевого общения, касающегося проблемных аспектов социальной жизни и т.д. На этом примере видно, что достижение консенсуса между учеными труднодостижимо, значительно затруднен также синтез научной информации, полученной разными методами и благодаря применению разных подходов.

4. Трансфузия

Понятие трансфузии как переноса информации из одного ассоциативного гнезда в другое было введено М. Кучинским (Kuczyński 2004, 171ссл.). Оно означает использование альтернативных, нетрадиционных способов номинации с целью аксиологической реинтерпретации понятий. К примеру, у существительных *патриотизм* и *национализм* есть общие элементы лексического значения, но первое имеет положительную, а второе – отрицательную коннотацию. Этот факт лежит в основе манипуляции, когда слово *патриотизм* тиражируется, например, в политических дискурсах с целью привле-

чения сторонников, хотя зачастую за *патриотизмом* скрывается идеология, направленная на разжигание национальной вражды и принижение других наций. Неслучайно *патриоты* в современной российской публицистике противопоставляются *глобалистам*, *либералам* и *западникам*.

Подобным образом в дискурсах социальных и гуманитарных наук заметно расширилось употребление терминов, которые считаются модными и тем самым служит более эффективной презентации текста. Это, например, касается термина *концепт*, который в современной российской лингвистике практически вытеснил термин *значение*. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой читаем:

Значение – отображение предмета действительности (явления, отношения, качества, процесса) в сознании, становящееся фактом языка вследствие установления постоянной и неразрывной его связи с определенным звучанием, в котором оно реализуется (2004, 160; 1-е изд. 1966).

Как видим, значение имеет амбивалентный характер: с одной стороны, оно предполагает соответствующую экстерииоризацию – в форме языкового (или другого) знака; с другой стороны, значение – категория сознания, т.е. форма переработки информации в сознании человека. Этот второй аспект с точки зрения представителей российской версии когнитивной лингвистики представляется несущественным, поэтому *значение* перестает быть инструментом исследования познавательной составляющей языковой деятельности. Неслучайно ни в «Кратком словаре когнитивных терминов» (Кубрякова/Демьянков/Лузина и др. 1996), ни в упомянутом глоссарии Зыковой термина *значение* нет. Вместо него массово употребляется *концепт*, понимаемый как множество смыслов, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания. Считается, что концепт имеет реальный, аутентичный, когнитивный характер – в отличие от значения (лексического понятия), которое представляет собой некоторую абстракцию, т.е. инвариант, получаемый в результате обнуления всех частных семантических реализаций («применений», по Звегинцеву) знака. Действительное значение – это своего рода социальный компромисс, необходимый в условиях коммуникации индивидов с разным содержанием опыта и разным багажом знаний, другими словами – фактор успешной коммуникации с незнакомцем⁸. Инвариантный (по отношению к множеству контекстных применений) характер значения целиком соответствует природе языка, о которой Г. Пауль писал:

⁸ А. С. Герд (1996, 80) писал о тенденции к компрессии знака-термина в его словарном, инвариантном толковании.

[...] Для языковой деятельности характерна определенная тенденция к бережливости. В соответствии с этой тенденцией в языке для всех случаев вырабатываются способы выражения, которые содержат ровно столько, сколько необходимо для понимания (1960, 372).

Лексическое значение представляет собой именно такой способ «отображения предмета в сознании», если еще раз воспользоваться определением Ахмановой. Данная мысль проводится в фундаментальной монографии А. Т. Кривоносова (2006, 309ссл.), который ссылается на идею о двух уровнях мышления, высказанную его предшественниками. Так, Л. И. Ибраев (1981, 29) указывал, что лексическое понятие – не абстрактная, логическая категория, а производная от множества ситуативных, контекстных смыслов, которые порождаются в процессе интеллектуальной деятельности индивидов. В таком же духе А. Ф. Лосев писал:

[...] Язык не есть чистая логика. Он есть практическое мышление, извлекающее из объективной действительности те моменты, которые необходимы для общения людей, и те моменты из чистой логики, которые в результате сложнейшей модификации могут стать орудием разумного общения (1965, 29).

Хотя, по мнению Лосева, «знак получает свою полноценную значимость только в контексте других знаков» (1976, 123), значение слова в общем языке (зафиксированное в словарной статье) также представляет собой ментальный феномен, только более абстрактный – оно «гораздо менее осмыслено, чем его конкретное значение» (там же, 124).

Сторонники современной лингвокультурологии смотрят на эту проблему иначе. Лексическое значение рассматривается как категория системного порядка, а концепт – как когнитивная, феноменологическая категория, которая соответствует реальной познавательной компетенции человека. Ю. С. Степанов определял концепт как «сгусток культуры в сознании человека» (1997, 43), а также писал: «Понятие „определяется“, концепт же „переживается“» (2007, 20). В то же время концепты имеют социальное измерение как формы отражения действительности, характерные для представителей определенного культурного сообщества. Будучи своего рода социальными фактами (в соответствии с терминологией Э. Дюркгейма), концепты, по утверждению Степанов, могут быть «неосознаваемыми» (1977, 44), например, в тех случаях, когда то или иное знание реконструируется на основании этимологических данных или архаических, ушедших из употребления текстов. Здесь, как видим, возникает очевидное противоречие между психологической или культурологической трактовкой концепта: если концепт «переживается», то он никак не может быть «неосознаваемым».

Второе противоречие касается того, что в социологии квалифицируется как распределение знаний (Бергер/Лукман 1995): концептуальное содержание человеческого опыта значительно варьируется, обнаруживая различия на разных уровнях, включая уровень знаний индивидов. В этой ситуации какие-либо рассуждения о концептах возможны при условии их предварительной делимитации, например, методами социальной психологии. Другими словами, должны быть какие-то критерии определения того, какие смыслы составляют, например, концепт *Польша* в русской культуре. Для этого само понятие «русской культуры» должно быть уточнено, ведь в разные исторические эпохи трактовка одних и тех же явлений действительности значительно варьировалась. Например, в статье А. Липатова (2007) показано, как сильно изменялся образ Польши в России в течение нескольких последних столетий.

К сожалению, необходимая социальная атрибуция концепта в российских лингвокультурологических исследованиях не проводится. «Факты культурной жизни» (определение Степанова) – слишком абстрактный термин, чтобы с его использованием можно было осуществлять лингвистически пригодные делимитации. Компиляция разнородной информации, выделяемой в текстах, относящихся к разным культурным эпохам, разным стилям и сферам жизнедеятельности (а значит, представление концепта в виде списка цитат из неограниченного множества источников), представляется совершенно непродуктивной – такого рода спекуляции не имеют отношения ни к культурной или антропологической лингвистике, ни к когнитивизму.

На это указывает внутренняя неоднородность содержания концептов. Составляя списки языковых реализаций концептов (которые часто неотличимы от того, что ранее квалифицировалось как лексико-семантическая группа), ученые, как кажется, не обращают внимания на факт, что стоящие за ними смыслы не укладываются в какой-либо единый образ – получается искусственный, умозрительный конструкт. Например, А. Филатова (2005), исследуя концепт «интеллигенция» в русской культуре, приводит такие его элементы, как «просвещенная», «просветительская миссия», «подвижническая деятельность по развитию духовного потенциала народа», «духовная элита», «умозрительность и абстрактность мышления», «оторванность от жизни, от народа», «одержимость непонятными идеями», «утопичность», «порядочная», «гуманная», «гонимая», «высокомерная», «трусливая», «жалкая», «бессильная», «лживая», «гнилая» и т.д. Трудно согласиться, что за этим перечнем стоит содержание какого-то конкретного опыта или знания, и даже если согласится с тем, что так понимаемый концепт отражает то, что представитель данного культурного сообщества (в стандартной ситуации) знает/помнит о прецедентных высказываниях на тему интеллигенции, это не равнозначно тому, что конкретный индивид думает по этому поводу (см. далее).

Другим примером трансфузии может быть чрезмерное использование термина *дискурс*. В российской электронной базе e-library.ru (доступ: 27 IX 2019) в подкаталоге «языкознание» имеется 26021 документов с таким ключевым словом. В действительности часть этих публикаций не имеет прямого отношения к дискурсу как к форме символически опосредованной перформанции (в частности, коммуникации) – речь идет о текстах, но сам термин *дискурс* звучит более презентабельно, и именно поэтому ему отдается предпочтение. Например, монография «Цитата как вербальный инструмент манипуляции в русскоязычном политическом дискурсе США» (Олянич/Устинова 2012) явно указывает на дискурс, хотя в ней исследуются политические тексты. Надо отдавать себе отчет в том, что ни политический текст, ни политика как сфера социальной деятельности не тождественны с понятием дискурса. В связи с этим Б. Тошович пишет о дублировании терминов: использование термина *дискурс* вместо термина *текст* или термина *функциональный стиль*, по его мнению, «расшатывает теорию дискурса, а ее центральный термин превращается в стертую монету» (2014, 19). *Дискурс* в лингвистических публикациях стал настолько широким и размытым понятием, что, как пишет Тошович, «сейчас [...] не важно, что является дискурсом, а наоборот: что не является дискурсом» (там же, 20).

5. Компиляция

В последнее время в гуманитарных науках активизировался процесс заимствований из других научных областей и других языков. Современная ситуация радикально отличается от той, которая имела в первой половине и середине прошлого столетия, когда лингвистический структурализм был своего рода порождающей моделью, используемой представителями других наук. С. Жолкевский (Żółkiewski 1988) даже предостерегал от радикализма ранней семиотики, которая предпринимала попытки описать все знаковые системы на базе терминологии структурной лингвистики.

Междисциплинарный обмен в науке естественен и необходим, однако постмодернизм способствует тому, что трансферы терминов стали массовыми и не всегда обоснованными, т.е. способствующими лучшему решению проблем – в этой области наблюдается все больше спекуляций. В замечательной книге А. Сокала и Ж. Брикмонта (Sokal/Bricmont 1998, 58ссл.) показано, что массовое использование терминов, заимствованных из математики (в частности, геометрии) и физики, в публикациях по психоаналитической философии и философской семиотике носит умозрительный, спекулятивный характер: эти публикации отличаются поверхностной эрудицией и даже

дилетантизмом их авторов, а следование за модой вступает в противоречие с требованиями науки.

Компиляция, которой, по определению Д. Шумской (Szumska 2016, 25), сопутствует «глоссематизация терминов», заметна в области лингвистики текста, стилистики и прагмалингвистики (в частности, медиалингвистики), которые испытывают сильное влияние социологии, коммуникологии и семиотика массовой коммуникации. В публикациях российских (но также польских и чешских) исследователей в последнее время получили широкое распространение термины *мультиmodalность* и *мультиmodalный*, обозначающие использование (например, в экономической или политической рекламе) нескольких каналов или модулей кодирования информации – как вербальных, так и невербальных. Распространению указанных терминов способствовало издание книги известного представителя критической лингвистики Г. Кресса (Kress 2010)⁹. Проблема, однако, состоит в том, что термины *modalность* и *modalный* в традиции языкознания (а также философии, логики, семиотики, эпистемологии и др.) имеют совершенно другое содержание – относятся к субъективной интерпретации семантической информации, а не к способу ее передачи. Другими словами, *modalность* – семантическая, а не формальная («техническая») категория. Компиляция в этом случае представляется излишней и потому, что существуют альтернативные и в то же время корректные термины: *мультимедийный*, *мультиканальный*, *мультимодульный*, *поликодовая коммуникация* и др. В связи с этим можно сослаться также на статью В. Г. Адмони (1961), в которой для описания строения речевой цепи используется прилагательное *партитурный*¹⁰.

Проблема бы ни стояла, если бы разные семантические интерпретации одного и того же термина относились к разным сферам языковой деятельности или разным дискурсам. Когда же термины из одной научной области переходят в другую, необходимо избегать возникновения противоречий. В связи с этим можно вспомнить высказывание Г. Пауля:

Будут ли эти новообразования противоречить тому, что уже принято в языке, – это само по себе [...] не имеет значения; достаточно того, чтобы данный индивид не ощущал противоречия с тем, что было им усвоено раньше (1960, 132).

Другая проблема, о которой писал уже упомянутый Иванов (см. Введение), состоит в том, что массовое увлечение когнитивной лингвистикой (и тиражирование соответствующей терминологии: *гештальт*, *скрипт*, *фрейм*,

⁹ Можно считать, что этот, заимствованный из английского языка, термин восходит к существительному *mode*, ср.: «The mode refers primarily to the concrete means by which suggestive contents are conveyed within the suggestion forms» (Gheorghiu 1989, 109).

¹⁰ Критическая отношение к переформулированию общепринятых терминов высказывает также Д. Шумская (Szumska 2016, 25).

слот, прототип, тезаурус, терминальный узел и др.) отодвигает на второй план собственно лингвистическую проблематику и девальвирует ту научную информацию, которая ранее была получена с использованием лингвистических методов. Например, в 1980 году в Чикаго была издана небольшая книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона с красноречивым названием: «Metaphors We Live By» («Метафоры, которыми мы живем»). Ее новаторский характер состоял в том, что метафора рассматривалась не как эстетическая фигура речи, а как один из способов кодирования информации:

[...] Metaphor is pervasive in everyday live, not just in language but in thought and action. Our ordinary conceptual system, in terms of which we both think and act, is fundamentally metaphorical in nature (Lakoff/Johnson 1980, 3). [Метафора проникает в повседневную жизнь, причем не только в язык, но и в мышление и действие. Наша обыденная понятийная система, на языке которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична.]

В контексте американской лингвистики такой подход, действительно, был новым – это объясняется фактом, что в истории языкознания США практически не было традиции ономаσιологических исследований. Однако в европейских странах, в том числе в России, эта традиция существует много десятилетий, и трактовка метафоры как одного из типов лексической номинации давно и хорошо известна – об этом, например, в своем классическом учебнике писал А. А. Реформатский (1967, 75). Поэтому вызывает недоумение, что многие европейские ученые убеждены: «Пионерами подхода концептуальной метафоры были Джордж Лакофф и Майкл Джонсон», как можно прочитать в одной из публикаций (Гладкова 2010, 43).

Подобным же образом отражение в формальной структуре предложения иерархической структуры мысли связывается современными учеными с когнитивной грамматикой Р. Лангакера (ср. его концепты «профилирование» и «траектор/ландмарк» в работе: Langacker 2002, 15ссл.), тогда как сама эта идея принадлежит японскому лингвисту С. Куно – она была разработана в его оригинальной модели функционального синтаксиса (Kuno 1987), почти неизвестной в России.

6. Аппроксимация

Многие инновации в области лингвистической терминологии, особенно заимствованные из других научных дисциплин, характеризуются размытостью, неопределенностью своего содержания. Это, например, касается упомянутого в 3-м пункте термина *концепт*, который, с одной стороны, представ-

ляет собой психологическую (когнитивную) категорию, с другой стороны – социокультурную категорию (так называемый социальный факт), при этом оба указанных аспекта в структуре концепта никак не сконфигурированы. Например, к ключевым текстам русской культуры следует, скорее всего, отнести написанное в 1922 году стихотворение Николая Тихонова «Баллада о гвоздях», в котором есть широко известные строки:

- (14) Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

Возникает вопрос: относится ли созданная Тихоновым метафора к концепту «гвозди» в русской лингвокультуре? Сомнение вызывает то, что источник появился в первой половине прошлого столетия и отражает мышление, характерное для периода советской власти, к тому же многие представители молодого поколения могут не знать этого текста. В на русскоязычной странице Твиттера (доступ 29 IX 2019) имеется 23 записи, содержащих цитату из «Баллады о гвоздях». Любопытно, что большинство из них имеет иронический, критический характер:

- (15) Это же какими надо быть одержимыми, чтобы часами из года в год слушать эту х***... Как говорил поэт, гвозди бы делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей.
- (16) Гвозди б делать из этих людей:
Только нахер нам столько говённых гвоздей.
- (17) 1921 год: «Гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире прочнее гвоздей!»
2018 год: «Что ты не делай из этих людей, получишь ленивых и жадных б*****!»
- (18) Помните: «Гвозди бы делать из этих людей! Не было б крепче в мире гвоздей!»
Увы, считаешь и тоска берет. Из нынешних нытиков, гвоздей бы точно не получилось. Так, алюминиевая проволока .
- (19) «Гвозди бы делать из этих людей –
Не было б в мире тупее гвоздей!»
- (20) Гвозди бы делать из этих людей, были б дырявые гвозди.

В связи с этим напрашивается мысль о том, что в содержании концепта следует усматривать два модуля: с одной стороны, те смыслы, которые носитель концепта разделяет («я знаю, считаю, убежден, что S»), с другой стороны – смыслы, которых он не разделен, но о существовании которых осведомлен («я знаю, что другие знают, считают, убеждены, что S, но я не считаю, не убежден, что S»). Естественно, такое исследование не может быть ограничено компиляцией употреблений знака в разных контекстах – оно требует анализа методами социальной психологии (включая анкетирование, полевые исследования, эксперименты и др.).

Примером аппроксимации может служить также термин *манипуляция*, широко используемый в прагмалингвистике и, особенно, медиалингвистике (причем в Польше более активно, чем в России). В обстоятельной монографии М. Токажа (Tokarz 2006) понятие манипуляции вообще не определено, хотя этот термин присутствует в названии. Автор часто пишет о «так называемой манипуляции», имея в виду «некорректные методы воздействия», что представляется слишком расплывчатым. На эту аппроксимацию ранее обратила внимание И. Каминская-Шмай, которая считает, что термин *манипуляция* не имеет в лингвистике строго определения и по этой причине его следует избегать (Kamińska-Szmaj 2004, 23).

В качестве другого примера аппроксимации могут послужить концептуальные метафоры (о которых уже была речь в предыдущем пункте). Понятие метафоры в когнитивных исследованиях в 1980-е годы было введено М. Минским, хотя о психологических аспектах полисемии в статье 1965 года писал Р. Якобсон. Минский использовал понятие метафоры свободно, не отличая его от понятия аналогии, тогда как в филологической традиции (а также в философии, логике, риторике и других науках) метафора означает один из типов небуквального употребления слов, а также языковые выражения с «переносным смыслом».

Сторонники когнитивной лингвистики применили идею Минского к описанию языка. В упомянутой книге Лакоффа и Джонсона (Lakoff/Johnson 1980, 5) можно прочесть, что сущность метафоры состоит в ментальной интерпретации объектов одного рода с учетом знаний об объектах другого рода – другими словами, речь идет (как и у Минского) об аналогии понятий. Таким образом возникла неоднозначность термина *метафора*, который, с одной стороны, относится к процессам концептуализации опыта, с другой стороны – к вторичному использованию лексических единиц. В первом значении метафора равнозначна аналогии, во втором значении – семантической деривации. Аппроксимация в этом случае нежелательна потому, что усложняет лингвистический анализ (не говоря уже о путанице, которая возникает в университетских программах по языкознанию). Например, в предложении

(21) Когда *ударил кризис*, мы сосредоточились на премиум-образовании и не прогадали.

мы стоим перед выбором одной из двух возможных интерпретаций: во-первых, можно выделять концептуальную метафору КРИЗИС – ЭТО ЖИВОЕ СУЩЕСТВО; во-вторых, можно говорить о метафорическом употреблении глагола: *ударить* ‘оказать нежелательное, негативное воздействие’.

На наших глазах растет, а может быть, уже выросло поколение молодых лингвистов (особенно в области английской филологии), которые связывают

метафору только с аналогией понятий и не осознают, что в системе лингвистической терминологии это – один из типов многозначности.

К числу парадоксов можно отнести также факт, что некоторые общенаучные термины, широко употребляемые в лингвистике, с лингвистической точки зрения не определены. Так, лингвисты регулярно употребляют сочетания *семантическая информация, прагматическая информация, грамматическая информация* и др., кроме того на *информацию*, как пишет Г. Н. Манаенко (2015, 12), опираются многие дефиниции языка. Обзор лингвистических словарей, однако, показывает, что отдельная статья «Информация» в большинстве из них отсутствует.

7. Заключение

В заключение хотелось бы отметить, что достижение идеала, когда каждый научный термин строго определен, а имеющиеся его отклонения в отдельных дискурсах контролируются и тщательно маркируются, вряд ли возможно – и в силу того, что научное сообщество слишком дифференцировано, и в силу терминоразрабатывающего характера многих научных дискурсов, особенно теоретических, которые целенаправленно верифицируют термины и модифицируют соответствующие им понятия. В связи с этим можно привести высказывание известного польского литературоведа М. П. Марковского, который в статье «Спор о реальности», опубликованной в еженедельнике «Tygodnik Powszechny» (2008/30) написал: «Я не в состоянии обосновать всё, что я говорю, иначе я бы ничего не сказал». Такого рода семантический релятивизм в науке не может, однако, исключать нормативности как ее главного принципа: коммуникация в рамках научного сообщества базируется на определенных нормах, которые касаются также терминологического обеспечения научных знаний. Следует помнить о том, что термины не только предназначены для решения частных, прикладных задач, но и, взятые вместе, образуют систему, за которой стоит научная картина мира.

Библиография

- Адмони, В. Г. (1961), Партитурное строение речевой цепи и система грамматических значений в предложении. В: Филологические науки. 3, 5-12. [Admoni, V. G. (1961), Partiturnoye stroeniye rechevoy tsepi i sistema grammaticheskikh znacheniy v predlozhenii. In: Filologicheskiye nauki. 3, 5-12.]
- Арутюнова, Н. Д. (1988), Типы языковых значений. Событие, оценка, факт. Москва. [Arutyunova, N. D. (1988), Tipy yazykovykh znacheniy. Sobytiye, otsenka, fakt. Moskva.]
- Ахманова, О. С. (2004), Словарь лингвистических терминов. Москва. [Akhmanova, O. S. (2004), Slovar lingvisticheskikh terminov. Moskva.]

- БЕРГЕР, П./ЛУКМАН, Т. (1995), Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва. [Berger, P./Luckmann, T. (1995), *Sotsial'noye konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. Moskva.*]
- ВОЛОШИНОВ, В. Н. (1929), Марксизм и философия языка. Ленинград. [Voloshinov, V. N. (1929), *Marksizm i filosofiya yazyka. Leningrad.*]
- ГЕЙЗЕНБЕРГ, В. (1963), Физика и философия. Москва. [Heisenberg, W. (1963), *Fizika i filosofiya. Moskva.*]
- ГЕРД, А. С. (1996), Прикладное языкознание. Санкт-Петербург. [Gerd, A. S. (1996), *Prikladnoye yazykoznanije. Sankt-Peterburg.*]
- ГЛАДКОВА, А. (2010), Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки. Москва. [Gladkova, A. (2010), *Russkaya kul'turnaya semantika: emotsii, tsennosti, zhiznennyye ustanovki. Moskva.*]
- ЗВЕГИНЦЕВ, В. А. (1968), Теоретическая и прикладная лингвистика. Москва. [Zvegintsev, V. A. (1968), *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. Moskva.*]
- ЗЫКОВА, И. В. (2017), Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. Москва. [Zykova, I. V. (2017), *Metayazyk lingvokul'turologii: konstanty i varianty. Moskva.*]
- ИБРАЕВ, Л. И. (1981), Надзнаковость языка (К проблеме отношения семиотики и лингвистики). В: Вопросы языкознания. 1, 17-35. [Ibrayev, L. I. (1981), *Nadznakovost' yazyka (K probleme otnosheniya semiotiki i lingvistiki)*. In: *Voprosy yazykoznanija. 1, 17-35.*]
- ИВАНОВ, Вяч. Вс. (2004), Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. Москва. [Ivanov, Vyach. Vs. (2004), *Lingvistika tret'yego tysyacheletiya. Voprosy k budushchemu. Moskva.*]
- КИБРИК, А. Е. (1987), Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности. В: Кибрик, А. Е. (ред.), Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. Москва, 33-51. [Kibrik, A. E. (1987), *Lingvisticheskiye predposylki modelirovaniya yazykovoy deyatel'nosti*. In: *Kibrik, A. E. (red.), Modelirovaniye yazykovoy deyatel'nosti v intellektual'nykh sistemakh. Moskva, 33-51.*]
- КИКЛЕВИЧ, А. (2013), Ветка вишни. Статьи по лингвистике. Olsztyn. [Kiklewicz, A. (2013), *Vetka vishni. Stat'i po lingvistike. Olsztyn.*]
- КИКЛЕВИЧ, А. (1996), Об индексальных выражениях с семантикой посессивности (на материале русского и немецкого языков). В: Норман, Б. Ю./Яхнов, Х. (ред.), Славяно-германские языковые параллели. Минск, 190-213. [Kiklewicz, A. (1996), *Ob indeksal'nykh vyrazheniyakh s semantikoy posessivnosti (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov)*. In: *Norman, B. Yu./Jachnow, H. (red.), Slavyano-germanskiye yazykovyye paralleli. Minsk, 190-213.*]
- КИКЛЕВИЧ, А. К. (1996), Аб формах сістэматыкі ў мовазнаўстве. У: Веснік Беларускага ўніверсітэта. 4(2), 50-54. [Kiklewicz, A. (1996), *Ab formakh systematyki u movaznaustve*. In: *Vesnik Belaruskaha universiteta. 4(2), 50-54.*]
- КИКЛЕВИЧ, А. (1998), Польские притяжательные местоимения как грамматический класс. В: Славяноведение. 6, 79-89. [Kiklewicz, A. (1998), *Pol'skiye prityazhatel'nyye mestoimeniya kak grammaticheskiy klass*. In: *Slavyanovedeniye. 6, 79-89.*]
- КИКЛЕВИЧ, А. (1999), Лекции по функциональной лингвистике. Минск. [Kiklewicz, A. (1999), *Lektsii po funktsional'noy lingvistike. Minsk.*]
- КИКЛЕВИЧ, А. (2018), Постмодернизм и современная филология. В: Фещенко, В. В. (ред.), Образы языка и зигзаги дискурса. Сборник научных статей к 70-летию В. З. Демьянкова. Москва, 125-142. [Kiklewicz, A. (2018), *Postmodernizm i sovremennaya filologiya*. In: *Feshchenko, V. V. (red.), Obrazy yazyka i zigzagi diskursa. Sbornik nauchnykh statey k 70-letiyu V. Z. Dem'yankova. Moskva, 125-142.*]
- КОШЕЛЕВ, А. Д. (2013), Современная теоретическая лингвистика как вавилонская башня (о «мирном» существовании множества несовместимых теорий языка). В: Известия РАН. Серия литературы и языка. 72/6, 3-22. [Koshelev, A. D. (2013), *Sovremennaya teoreticheskaya*

- lingvistika kak vavilonskaya bashnya (o «mirnom» sushchestvovanii mnozhestva nesovmestimyykh teorii yazyka). In: Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 72/6, 3-22.]
- Кривоносов, А. Т. (2006), Мышление, язык и крушение мифов о «лингвистической отнеосительности», «языковой картине мира» и «марксистско-ленинском языкознании» (подступы к сущности языка). Москва/Нью-Йорк. [Krivonosov, A. T. (2006), Myshleniye, yazyk i krusheniye mifov o «lingvisticheskoy otneositel'nosti», «yazykovoy kartine mira» i «marksistsko-leninskom yazykoznanii» (podstupy k sushchnosti yazyka). Moskva/New York.]
- Кривоносов, А. Т. (2010), Спорное в когнитивной лингвистике. В: Киклевич, А./Камалова, А. (ред.), Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ. Olsztyn, 131-162. [Krivonosov, A. T. (2010), Spornoye v kognitivnoy lingvistike. In: Kiklewicz, A./Kamalova, A. (red.), Koncepty kul'tury v yazyke i tekste: teoriya i analiz. Olsztyn, 131-162.]
- Кубрякова, Е. С./Демьянков, В. З./Лузина, Л. Г. и др. (1996), Краткий словарь когнитивных терминов. Москва. [Kubryakova, Ye. S./Dem'yankov, V. Z./Luzina, L. G. et al. (1996), Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov. Moskva.]
- Липатов, А. (2007), Польша. В: Kurczak, J. (red.), Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski. Łódź, 218-239. [Lipatov, A. (2007), Pol'sha. In: Kurczak, J. (red.), Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski. Łódź, 218-239.]
- Лосев, А. Ф. (1965), О методах изложения математической лингвистики для лингвистов. В: Вопросы языкознания. 5, 13-30. [Losev, A. F. (1965), O metodakh izlozheniya matematicheskoy lingvistiki dlya lingvistov. In: Voprosy yazykoznaneya. 5, 13-30.]
- Лосев, А. Ф. (1968), Введение в общую теорию языковых моделей. Москва. [Losev, A. F. (1968), Vvedeniye v obshchuyu teoriyu yazykovykh modelei. Moskva.]
- Лосев, А. Ф. (1976), Проблема символа и реалистическое искусство. Москва. [Losev, A. F. (1976), Problema simvola i realisticheskoye iskusstvo. Moskva.]
- Манаенко, Г. Н. (2015), Информация в языке и по данным языка. В: Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2, 12-20. [Manayenko, G. N. (2015), Informatsiya v yazyke i po dannym yazyka. In: Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2, 12-20.]
- Олянич, А. В./Устинова, Е. В. (2012), Цитата как вербальный инструмент манипуляции в англоязычном политическом дискурсе США. Волгоград. [Olyanich, A. V./Ustinova, Ye. V. (2012), Tsitata kak verbal'nyu instrument manipulyatsii v angloyazychnom politicheskom diskurse. Volgograd.]
- Пауль, Г. (1960), Принципы истории языка. Москва. [Paul, H. (1960), Printsipy istorii yazyka. Moskva.]
- Пешковский, А. М. (1959), Избранные труды. Москва. [Peshkovskiy, A. M. (1959), Izbrannyye trudy. Moskva.]
- Реформатский, А. А. (1967), Введение в языковедение. Москва. [Reformatskiy, A. A. (1967), Vvedeniye v yazykovedeniye. Moskva.]
- Соссюр, Ф. де (1977), Труды по языкознанию. Москва. [Saussure, F. de (1977), Trudy po yazykopaniyu. Moskva.]
- Степанов, Ю. С. (1981), Имена. Предикаты. Предложения. Москва. [Stepanov, Yu. S. (1981), Imena. Predikaty. Predlozheniya. Moskva.]
- Степанов, Ю. С. (1997/2004), Константы: Словарь русской культуры. Москва. [Stepanov, Yu. S. (1997/2004), Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury. Moskva.]
- Степанов, Ю. С. (2007), Концепты. Тонкая пленка цивилизации. Москва. [Stepanov, Yu. S. (2007), Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii. Moskva.]
- Ступанов, Ю. А. (ред.) (1955), Краткий политехнический словарь. Москва. [Stupanov, Yu. A. (red.) (1955), Kratkiy politekhnicheskii slovar'. Moskva.]
- Татаринов, В. А. (1988), Лексико-семантическое варьирование терминологических единиц и проблемы терминографии. Москва. [Tatarinov, V. A. (1988), Leksiko-semanticheskoye var'irovaniye terminologicheskikh yedinitz i problemy terminografii. Moskva.]

- ТАТАРИНОВ, В. А. (1996), Теория терминоведения. Т. 1. Теория термина: история и современное состояние. Москва. [Tatarinov, V. A. (1996), Teoriya terminovedeniya. T. 1. Teoriya termina: istoriya i sovremennoye sostoyaniye. Moskva.]
- ТАТАРИНОВ, В. А. (2006), Общее терминоведение. Энциклопедический словарь. Москва. [Tatarinov, V. A. (2006), Obshcheye terminovedeniye. Entsiklopedicheskiy slovar'. Moskva.]
- ТОШОВИЧ, Б. (2014), Стиль и дискурс: сходства и различия. В: Stylistyka. XXIII, 19-29. [Tosović, B. (2014), Stil' i diskurs: skhodstva i razlichiya. In: Stylistyka. XXIII, 19-29.]
- ФИЛАТОВА, А. (2005), Концепт «интеллигенция» в смысловом пространстве современной русской культуры. В: Логос. 6(51), 206-217. [Filatova, A. (2005), Kontsept «intelligentsiya» v smyslovom prostranstve sovremennoy russkoy kul'tury. In: Logos. 6(51), 206-217.]
- BARTMIŃSKI, J./GRZESZCZAK, M. (2014), Jak rekonstruować kanon wartości narodowych i europejskich? W: Etnolingwistyka. 26, 21-44.
- ВОВРОВСКИ, И. (1995), Czy kognitywizm jest naukowy? O lingwistyce kognitywnej z punktu widzenia dwudziestowiecznych koncepcji nauki. W: Biuletyn PTJ. LI, 19-24.
- ВОВРОВСКИ, И. (1998), Zaproszenie do językoznawstwa. Kraków.
- FLEISCHER, M. (2005), Obserwator trzeciego stopnia. O rozsądnym konstruktywizmie. Wrocław.
- FREGE, G. (1969), Funktion, Begriff, Bedeutung. Fünf logische Studien. Göttingen.
- GHEORGHIU, V. A. (1989), The Difficulty in Explaining Suggestion: Some Conceivable Solutions. In: Gheorghiu, V. A./Netter, P./Eysenck, H. J. et al. (eds.), Suggestion and Suggestibility. Theory and Research. Berlin/Heidelberg/Bew York etc., 99-112.
- GRUCZA, F. (1991), Terminologia – jej przedmiot, status i znaczenie. W: Grucza, F. (red.), Teoretyczne podstawy terminologii. Wrocław/Warszawa/Kraków, 11-44.
- КАМИŃСКА-СЗМАЈ I. (2004), Propaganda, perswazja, manipulacja – próba uporządkowania pojęć. W: Krzyżanowski, P./Nowak, P. (red.), Manipulacja w języku. Lublin, 13-25.
- КАСПЕРСКИ, Е. (2000), Drogi i rozdroża metodologii. Studium problemu. W: Kasperski, E. (red.), Rozważania metodologiczne. Język – literatura – teatr. Warszawa, 11-74.
- КИКЛЕВИЧ, А. (1997), Czy w języku polskim istnieją zaimki dzierżawcze? W: Prace Filologiczne. XLII, 121-134.
- КИКЛЕВИЧ, А. (2006), Demokratyzacja języka a postmodernizm (czynnik antropologiczno-społeczny we współczesnych dyskursach postmodernistycznych). W: Południowosłowiańskie Zeszyty Naukowe. Język, literatura, kultura. III, 9-20.
- КИКЛЕВИЧ, А. (2009), Die Semantik der logischen Wörter. In: Kempgen, S./Kosta, P./Berger, T. et al. (Hrsg.), Die slavischen Sprache. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. Berlin/New York, 902-905.
- КИКЛЕВИЧ, А. (2016a), Postmodernizm/poststrukturalizm jako czynnik zmian w naukach humanistycznych w aspekcie epistemicznym, społecznym i etycznym (na przykładzie współczesnego językoznawstwa). Cz. 1. W: LingVaria. XI/1, 21-34.
- КИКЛЕВИЧ, А. (2016b), Postmodernizm jako czynnik zmian we współczesnym językoznawstwie w aspekcie epistemicznym, społecznym i etycznym (przy uwzględnieniu innych nauk humanistycznych). Cz. 2. W: LingVaria. XI/2, 25-42.
- КИКЛЕВИЧ, А. (2016c), Zaimек wskazujący w zdaniach z orzeczeniem imiennym: funkcja predykatywna czy anaforyczna? W: Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. 51, 251-273.
- КИКЛЕВИЧ, А. (2017), Значение а правда. Фантомы семантические. Олсътын.
- КИКЛЕВИЧ, А. (2019), Постмодернистский авангардизм в языкознании XXI века. W: Przegląd Rusycystyczny. 3(167), 172-193.
- KRESS, G. (2010), Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication. Abingdon.
- KUCZYŃSKI, M. (2004), Transfuzja semantyczna jednostek leksykalnych a rola mediów. W: Chruszczewski, P. P. (red.), Aspekty współczesnych dyskursów. Kraków, 161-182.
- KUNO, S. (1987), Functional syntax. Anaphora, Discourse and Empathy. Chicago/London.
- LAKOFF, G./JOHNSON, M. (1980), Metaphors We Live By. Chicago/London.

- LANGACKER, R. (2002), Theory, method, and description in cognitive grammar. In: Lewandowska-Tomaszczyk, B./Turewicz, K. (eds.), *Cognitive Linguistics Today*. Łódź, 13-40.
- MINSKY, M. (1981), Jokes and their Relation to the Cognitive Unconscious. In: Vaina, L. M./Hintikka, J. (eds.), *Cognitive Constraints on Communication*. Boston, 175-200.
- NYCZ, R. (2000), *Tekstowy świat. Poststrukturalizm a wiedza o literaturze*. Kraków.
- PIELENZ, M. (1995), *Argumentation und Metapher*. Tübingen.
- RIESMAN, D./GLAZER, N./DENNEY, R. (1950), *The lonely crowd a study of the changing American character*. Garden City/New York.
- SOKAL, A./BRICMONT, J. (1998), *Fashionable nonsense postmodern intellectuals' abuse of science*. New York.
- SZTOMPKA, P. (2010), *Socjologia. Analiza społeczeństwa*. Warszawa.
- SZUMSKA, D. (2016), Czy językoznawstwo jest nauką przeterminowaną? W: *Półrocznik Językoznawczy Tertium*. 1(1&2), 22-28.
- TABAKOWSKA, E. (2001), *Językoznawstwo kognitywne a poetyka przekładu*. Kraków.
- WOŹNIAK, T. 2005, *Narracja w schizofrenii*. Lublin.
- ŻMIGRODZKI, P. (2003), *Metalingwistyka jako krytyka idei i tekstów językoznawczych*. W: *Polonica*. XXII-XXIII, 5-17.
- ŻMIGRODZKI, P. (2005), „Metalingwistyczne” i „niemetalingwistyczne” nauczanie przedmiotów językoznawczych. W: *Studia Językoznawcze*. 4, 451-461.
- ŻOLKIEWSKI, S. (1988), *Teksty kultury*. Studia. Warszawa.

